В.В. Калугин

Символика сюжетного средника

(По материалам изданий ХУI – ХУП вв. московского Печатного двора)

Древнейшие русские кожаные переплеты, из числа сохранившихся до нашего времени, с особым тиснением в центре верхней (значительно реже и нижней) крышки датируются I-й пол. ХУI в.[I] Тиснение производилось с помощью большого металлического штампа сюжетного или орнаментального характера, обозначавшегося в старорусском языке словом средникъ (1635 г.) или его полногласной формой середникъ (1626 г.).

В ремесленном "Указе как по коже золотить и серебрить у книг" так описывается процесс тиснения на переплете: "Возми бѣлка ꙗичного свѣжего и бѣлокъ прež выпȣсти в сосȣдецъ чистои а желка отнюд не было с ним проч на рȣкѣ отдѣли в свои сосȣд и к бѣлку приложи воды маленко и беи в сосуде лопаткою доволно и даи постоят и какъ пѣна спадет и испод пѣны водку слеи в свои сосуд и маж по кожи кистью бѣльею и стѣли золото рѣзанное или серебро а рѣжъ золото и серебро на коже коль широко надобно по колесамъ смотря и колеса на огне погреи басми по золотȣ или по се[ре]брȣ а середникъи бȣдȣт положа золота на бѣлок и лапкою притискаи и середникъ нагрѣи и положъ доскȣ в тиски || книжнȣю и середникъ или науголникъ наложъ и притисни ключемъ середникъ и означится даи маленко постоять и вынимаи і взявъ платокъ чистои маленко помоча водою стираи золото

[I] Клепиков С.А. Орнаментальные украшения переплетов конца ХУ – первой половины ХУП веков в рукописях библиотеки Троице-Сергиева монастыря || Записки отдела рукописей ГБЛ. – М., 1960. – Вып. 22. – С. 65, 72; см. также с. 315.

поверху и бѹдетъ чисто и изрѧдно"[2].

Оттиск, который получался на переплете в результате тиснения, в старорусском языке также обозначался словом средникъ (середникъ). Метонимический способ образования вторичных значений у специальных наименований был продуктивен в средневековой народной ремесленной терминологии. В связи с этим приведем два контекста, в которых рассматриваемое имя существительное употреблено с разным лексическим наполнением. "Резцу михалку ѕа тщицу ѕа мѣдную ѕа середник [инструмент - В. К.] книги натискиват дватцат алтнъ" (1626 г.)[3]. "В патрiарше казенном приказѣ стретенские сотни степан захарьев... списокъ с переписнои книги ризнои казны в десть в бѹмажные доски переплел i ωболокъ кожа накраплена-а середникъ [оттиск - В. К.] i дорожники золоченые" (1687 г.)[4].

В старорусской лексике книжного дела средники могли различаться и именоваться не только по своим размерам (ср. словосочетания 1665 г. середникъ четвертной и середничекъ осьмушной - 'клише для

---

2 Сборник смешанного содержания с "Чином всякому мастерству" (л. 205 - 231). 70-е гг. ХУП в. ГИМ, собр. Музейское, № 2651, л. 177 об. - 178. См. также: Калугин В.В. "Указ о художестве книжного переплета" по спискам из собраний Е.Е. Егорова и Ф.А. Калинина || Записки отдела рукописей ГБЛ. - М., 1987. - Вып. 46. - С. 88.

3 Расходная книга Приказа книжного печатного дела. 1626 - 1628 гг. ЦГАДА, собр. Приказа книжного печатного дела (ф. 1182), оп. 1, № 5, л. 6 об.

4 Расходная книга Патриаршего казенного приказа. 1686 - 1687 гг. ЦГАДА, собр. Патриаршего (Синодального) казенного приказа (ф. 235), оп. 2, № 122, л. 356.

тиснения на книгах форматом в 8° и 16°)[5], но также и по изображенным на них сюжетам, рисункам. На это указывает, в частности, роспись 1645 г. переплетных инструментов Антониево-Сийского монастыря, в которой отмечен "середникъ мѣдной "царь Давидъ"[6]. Переплет с таким средником имеет, например, сербская рукопись 1-й пол. XVI в.[7].

Из разнообразных орнаментальных украшений, тисненных на переплетах русских книг XVI-XVII вв., особенно интересны сюжетные средники Московского Печатного двора. Они находятся в тесной связи с литературой и искусством своего времени. Одни из них обязаны своим происхождением древнерусским оригинальным или переводным произведениям, для других характерна фольклорная основа, третьи восходят к отдельным библейским сценам и персонажам, отражая многовековую, стройную систему символов, сущность которой была в основном одинакова на Западе и на Руси[8].

---

[5] Симони П. Опыт сборника сведений по истории и технике книгопереплетного художества на Руси, преимущественно в допетровское время, с XI-го по XVIII-ое столетие включительно: Тексты - материалы - снимки | ОЛДП; ПДПИ, № 122. - [Спб.,] 1903. - С. 94. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи.

[6] Изюмов А.Ф. Вкладные книги Антониева Сийского монастыря: 1576 - 1694 (7084 - 7202) гг. - М., 1917. - С. 42. См. также: Кукушкина М.В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI - XVII веков. - Л., 1977. - С. 60.

[7] Сборник смешанного содержания. 1-я пол. XVI в. Сербский извод. ЦГАДА, собр. Мазурина (ф. 196), № 1447.

[8] Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. - 3-е изд. - М., 1979. - С. 163.

Многие средники представлены несколькими вариантами, иногда в значительной степени отличающимися друг от друга. Выявление и изучение различных типов и вариантов средников является одной из актуальных задач современной кодикологии и палеографии. Между тем разработка этой темы еще только начинается[9].

В ХУI в. на переплетах московского Печатного двора появляется средник с изображением единорога под деревом (Симони, с. 303, табл. LIX, сн. 88). Единорог - один из наиболее ранних образов, проникнувших в область христианских идей. От раннехристианского времени сохранилась традиция, отраженная в "Физиологах", которая истолковывает единорога как символ Иисуса Христа. Эмблематическое и даже геральдическое значение единорог начал приобретать с кон. ХУ в., когда он стал употребляться при Иване III в качестве государственной эмблемы. В ХУI в. единорог занял место на личной печати Ивана Грозного и одновременно на государственной печати[10]. В кон. ХУI в. и в ХУII столетии образ единорога был "унаследован" печатями Бориса Годунова, Лжедмитрия I, царей Михаила и Алексея Романовых[11]. Таким образом, появление единорога на переплетах "государева Печатного двора" было вполне закономерно: средник подчеркивал общегосударственное значение деятельности московской

---

[9] См., например: Клепиков С.А. Альбом орнаментальных украшений переплетов рукописей собраний || Записки отдела рукописей ГБЛ. - М., 1960. - Вып. 22. - С. 313 - 447, 463 - 464; Коллекция старопечатных книг ХУI - ХУII вв. из собрания М.И. Чуванова: Каталог | Сост. И.В. Поздеева. - М., 1981. - С. 16 - 17; рис. 19 - 23.

[10] Соболева Н.А. Российская городская и областная геральдика ХУIII - XIX вв. - М., 1981. - С. 165 - 166; 226 - 227.

[11] Каменцева Е.М., Устюгов Н.В. Русская сфрагистика и геральдика. - М., 1963. - С. 116; 119.

типографии (БМСТ-38; 39; 470; 794; II70; II72; I446; I507; I669; I672; I673; I769; I772; I780; I839; I840; I886-I888; I952; I954; 2044; СПК-899 и др.)[I2].

Рассматриваемый средник представлен несколькими вариантами. На некоторых из них изображение единорога под деревом встречается как очень маленького (БМСТ-I828; I836; ср. ниже со средником "лев" - БМСТ-I950), так и весьма значительного размера (БМСТ-862; оттиск расположен вертикально).

В отличие от христианского осмысления единорога в средне-вековой литературе и фольклоре существовало иное толкование, уходящее глубокими корнями в мифологию и народную фантастику. Народно-поэтическая основа этого образа отчетливо прослеживается на среднике московского Печатного двора "бой льва с единорогом под короной (БМСТ-40; 459; 472; 658; 978; 986; I398; I503; I5I5; I752; I776; I777; I784; I795; I8I6; I833; I842; I898; I903; 2030; СПК-2495 и др.). Так, в духовном стихе о Голубиной (т.е. мудрой, глубинной) книге подробно повествуется о борьбе льва и единорога за право царствовать над зверями:

"Когда выдет он [единорог - В.К.] из сырой земли,
А и ищет он сопротивника,
А тово ли люта льва-зверя;
Сошлись оне со львом во чистом поле,
Начали оне, звери, дратися:
Охота им царями быть,
Над всемя́ зверями взять большину́,

I2 Ссылки на переплеты ХУП в. изданий Печатного двора, которыенаходятся в ЦГАДА в фонде библиотеки Московской Синодальной типографии (БМСТ) и собрании старопечатных книг (СПК), даются в тексте статьи с указанием номера единицы хранения.

И дерутся оне о своей большине.
Единорог-зверь покоряется,
Покоряется он льву-зверю,
А и лев подписан - царем ему быть,
Царю быть над зверями всем,
А и хвост у него колечиком"[13].

Согласно мнению В.С. Румянцева, средник "лев и единорог" был известен уже в кон. XVI в., о чем свидетельствует переплет книги "Октоих". - М.: Печатный двор, 31. 01. 1594. - Ч. I - 2[14]. "Представители могущества, славы и вообще воинственных и нравственных доблестей, лев и единорог в XVI и XVII веках были нередко употребляемы в виде собственно царского герба, и по временам заменяли собою даже государственный герб - двуглавого орла"[15]. Лев и единорог очень часто встречаются на царской утвари, тронах, зданиях, знаменах и т.п. Эта эмблема, очевидно, с эпохи Ивана Грозного также являлась гербом Печатного двора и находилась на фасаде ворот типографии[16]. Впоследствии борющиеся под короной лев и единорог стали символом книги, книжного дела и просвещения в России. Их лепное изображение до сих пор можно видеть на фронтоне бывшего здания Московской Синодальной типографии (ныне МГИАИ).

На поздних старообрядческих переплетах по кругу, окаймляющему средник "лев и единорог" иногда помещалась цитата из "Псалтири"

---

13 Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. - 2-е изд. - М., 1977. - С. 212.

14 Румянцев В. Древние здания московского Печатного двора. - М., 1869. - С. 10; 31.

15 Там же. - С. 10.

16 Там же. - С. 10 - 11.

(XXI 22): "Избави мѧ ѿ усть лвовыхъ и ѿ рогъ единорожь смирение мое"[I7] (Симони, с. 303, табл. ∠УШ, сн. 86), которая придала изображению религиозно-символическое значение.

В "Толстовской псалтире" приводится следующее толкование этого стиха: "Спаси мя от уст львов: льва нарицяя съмрьть, яко на вьсесильну сущу. И от рог инорожь съмерение мое: цесаря менить адова, рога бо кьнигы вьсьде цесарьства нарицяють"[I8]. Итак, лев – это смерть, рога единорога – цесарь ада, т.е. Сатана. В "Псалтире" наблюдается ассоциация понятий лев – смерть и лев – дьявол (∠УП 7). Символ льва последовательно употребляется с негативным значением (УП 3; IX 30; ХУI I2; XXI I4; ХХХIУ I7; ХС I3). Между тем единорог в "Псалтире" является положительным образом (ХХУШ 6; ∠ХХУП 69; XCI II) и только в единственном случае, рядом со львом, – отрицательным.

Изображение льва и единорога помещалось на переплете не только в качестве средника. Их можно встретить на бордюрных басмах (БМСТ-2323), в составе многофигурных композиций (БМСТ-375; 47I; I889; I900; I92I и др.), на книжных застежках (Симони, с. 302, табл. ∠УП, сн. 82) и т.п.

В средневековой литературе и искусстве получил чрезвычайно широкое распространение образ пеликана, окропляющего своей кровью ужаленных змеей птенцов и спасающего их тем самым от смерти[I9].

[I7] Устав церковный. I547 г. Переплет XIX в. ГИМ, собр. Щукина, № 3I6; Великое Зерцало. I698 г. Переплет XIX в. Там же, № 366.

[I8] Ковтун Л.С. Русская лексикография эпохи средневековья. – М.; Л., I963. – С. I7I; 205.

[I9] Морозов А.А. Из истории осмысления некоторых эмблем в эпоху Ренессанса и барокко: Пеликан || Миф – фольклор – литература. – Л., I978. – С. 38 – 66.

Средники "пеликан с птенцами" и "пеликан" сравнительно часто встречаются на переплетах изданий Печатного двора. Они символизируют Иисуса Христа, избавившего человечество на Голгофе от первородного греха (БМСТ-676; 707; 795; 894; 906; 1502; 1504; 1667; 1798; 1835; 1944; СПК-864 и др.). Кроме того, известен средник "пеликан и змея" (БМСТ-1986), также употреблявшийся типографскими переплетчиками в XVII в.

В древнерусской литературе аллегорическое значение образа пеликана наиболее полно раскрыто в "Физиологах" и в "Сказании о птице неясыти" Максима Грека. В связи с этим интересно сравнить рассматриваемый средник с изображением пеликана, помещенном в эмблематическом сборнике нюрнбергского врача Иоахима Камерария (1514 - 1574 гг.). В его "Symbolorum et emblematum" (Francofurti, 1654. - Cent. 3. - P. 37. - № XXXVII. - БМСТ-1194)[20] пеликан с птенцами имеет иную трактовку. Девиз на рисунке гласит: "Pro lege et grege" ("За закон и народ"; лат.). Эпиграмматическая подпись объясняет символ следующим образом:

"Sanguine vivificat Pelecanus pignora, sic rex
Pro populo vitae est prodigus ipse fui".
("Кровью своей пеликан оживляет птенцов,
Также и царь не щадит своей жизни на благо народа").

В сборнике И. Камерария религиозное значение эмблемы оттеснено возможностью новых толкований образа пеликана. На первый план выступают мирские представления о жертвенности правителя, не щадящего своей жизни для блага подданных. На типографском же среднике пеликан с птенцами имел евхаристическое осмысление.

---

[20] Экземпляр из библиотеки Сильвестра Медведева. На л. I имеется его автограф (подпись), сделанный киноварью.

Появившийся в XVII в. средник московского Печатного двора, на котором изображена борьба в воздухе над Царьградом орла со змеем, символизирует победу христианства над мусульманством и освобождение Константинополя от власти неверных басурман (БМСТ-584; 635; 702; 703; 895; СПК-67 и др.). Примечательно, что идея отвоевания Константинополя у турок, очевидно, не казалась фантастической в 40-е - 50-е гг. XVII в., т.е. во время наибольшего распространения на изданиях "государева Печатного двора" этого средника, находящегося в прямой зависимости от политической теории "Москва - третий Рим".

На некоторых вариантах рассматриваемого средника имеется поясняющая его надпись: "Въ послѣдніе вѣка христіанство одолѣетъ басурманство" или "[В] послѣдние вѣки одолеть христиа[н]ство бесурма[н]ство - ис книги... степени" (БМСТ-1880; СПК-987; Симони, с. 293; 302; табл. XXXV, сн. 51; табл. LVII, сн. 83), которая прямо указывает на литературный источник этого сюжета - "Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г.". В русской литературе XVII в. символика борьбы орла и змея подробно истолковывается в произнесенном Игнатием Римским-Корсаковым 14 марта 1687 г. "Слове российскому воинству" на отправление в 1-й Крымский поход[21].

На переплетах по углам прямоугольника, в котором оттиснут средник "орел и змей", нередко можно встретить фигуры четырех зверей: вверху-льва и грифона, внизу-леопарда и единорога (БМСТ-1889; 1890; 1895; 1900; 1901; 1907; 1921; 1945 и др.). Изображение

---

[21] Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века: Литературные панегирики / Подгот. текста, предисл. и коммент. А.П. Богданова. - М., 1983. - Ч. 1. - С. 166 - 168.

борющихся друг с другом орла и змея иногда помещалось и в центре нижней переплетной крышки, в то время как на верхней сторонке басмился средник "бой льва с единорогом под короной"[22].

К библейскому сюжету восходит популярный в ХУП в. средник московского Печатного двора "Самсон, раздирающий пасть льву" (БМСТ-1442, 1445, 1536, 1546, 1768 и др.). Изображение на переплете, следуя буквально ветхозаветному рассказу, в котором сообщается, что Самсон растерзал льва "яко козлища от коз" (Книга судей Израилевых XIУ 5 - 6), вместе с тем обнаруживает явную тенденцию к его аллегоризации. В древнерусской литературе были созданы постоянные ряды исторических аналогий, а персонажи библейской и римско-византийской истории имели обобщенно-символическое значение. Так, Соломон стал символом мудрости, Давид - кротости, Каин - братоубийства и братоненавистничества, Голиаф - грубой внешней физической силы и т.д.[23]. Образ Самсона в различных памятниках литературы и искусства Древней Руси (например, в "Молении Даниила Заточника", в "Житии Александра Невского", на знаменитом Людогощинском кресте 1359 г. и др.) обозначал сверхъестественную силу, мощь. По всей вероятности, именно с этим иносказательным значением он и был помещен на обиходных переплетах, изготовлявшихся в мастерской Печатного двора.

---

[22] Димитрий Ростовский. Сборник келейный. 1705 г. ГИМ, собр. Синодальное, № 147. Кодекс частично написан самим Димитрием Ростовским.

[23] Кусков В.В. Ретроспективная историческая аналогия в произведениях Куликовского цикла || Куликовская битва в литературе и искусстве: Исследования и материалы по древнерусской литературе. - М., 1980. - С. 43.

Можно привести и другие примеры использования библейских сюжетов при внешнем оформлении книги. Так, на некоторых типографских переплетах ХУП в. встречается средник "Адам и Ева" (БМСТ-1826; 1832). В связи с этим необходимо отметить великолепную многофигурную композицию "Грехопадение Адама и Евы", тисненную на переплете 1653 г.[24]

В ХУП в. особой популярностью пользовался средник московского Печатного двора "дерево перидексий и сидящие на нем голуби" (БМСТ-1770; 1830; 1843; 1845; 1896; СПК-283; 913; 952 и др.). Этот средник является как бы аллегорической иллюстрацией к евангельской притче о горчичном зерне (Матфей ХШ 31 - 32; Марк IУ 30 - 32). В средневековых западноевропейских Бестиариях дерево перидексий, называемое в славянском "Физиологе" "дуб перидексийный", было уподоблено Богу-отцу, плод - Иисусу Христу и божественной мудрости, тень от дерева - Святому Духу, а голуби обозначали верующих[25].

На переплетах в нижних углах прямоугольной рамки, в которой оттиснут средник "дерево перидексий", нередко можно видеть изображения льва и единорога (БМСТ-375; 471; 733; 1668; 1948, СПК-284; 867 и др.; см. также: Симони, с. 291 - 292; 293 - 294; 306; табл. ХХХШ, сн. 47; табл. ХХХУI, сн. 54; табл. LХУП).

В 1-й пол. ХУП в. на переплетах Печатного двора появляется средник с изображением сидящего на дереве и срывающего цветы го-

---

24 Родословная книга Н.И. Шереметева (главы 1 - 51). Сер. ХУП в. ЦГАДА, РС ЦГАДА (ф. 188), № 41. На л. 293 об. находится запись с указанием времени изготовления переплета.

25 Средневековый Бестиарий / Авт. ст. и коммент. К. Муратова. - М., 1984. - С. 176 - 177.

лубя (БМСТ-619; 697; 1788; 1885; 1953 и др.). Иносказательное значение этого образа раскрывается в одном из списков апокрифической "Беседы трех святителей". В нем указывается, что голубь является символом смерти, дерево – земли, а цветы знаменуют собой людей[26]. Основная идея оттиска – кратковременность, мимолетность человеческой жизни, ее непостоянство, тщета всего земного – излюбленный мотив древнерусской литературы.

Как было показано выше, в переплетной мастерской Печатного двора пользовался большой популярностью зооморфный орнамент, истолкованный в духе христианской символики. Кроме уже рассмотренных типов, на изданиях ХУП в. московской типографии представлены средники "лев" (БМСТ-2046; СПК-859)[27], "орел" (БМСТ-660; 1807), "двуглавый орел под короной" (БМСТ-1899), "лев и орел" (БМСТ-1662) и др. Даже на традиционном среднике Троице-Сергиева монастыря, который использовался также и переплетчиками Печатного двора, можно встретить изображения пеликанов (БМСТ-569; 669; 682; 816; 873), единорогов, леопардов (БМСТ-1805), зайцев (БМСТ-590) и других животных и птиц.

Многими исследователями появление средника Троице-Сергиева монастыря относится к нач. 1560-х гг.[28] В связи с этим представ-

---

[26] Пыпин А.Н. Ложные и отреченные книги русской старины || Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Гр. Кушелевым-Безбородко. – Спб., 1862. – Вып. 3. – С. 172.

[27] Миниатюрный вариант средника "лев" на переплете БМСТ-1950 по своей величине, характеру исполнения, окружающему орнаменту и т.п. очень близок малому варианту средника "единорог" (см. выше).

[28] Клепиков С.А. Описания древних русских обиходных переплетов || Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. – М., 1976. – Вып. 2. – Ч. 1. – С. 56 – 57.

ляет большой интерес троицкое "Евангелие тетр" кон. XIУ (?) - нач. ХУ в.[29] Окладной переплет этого кодекса был составлен в ХУI в. из фрагментов оклада нач. ХУ в., снятого, возможно, с другой рукописи, но с добавлением новых деталей. Установлено, что к древнему окладу принадлежит средник "Распятие с предстоящими"[30]. Очертания средника, тисненного на переплетах ХУI - ХУШ вв. Троице-Сергиева монастыря, очень похожи на контуры этого декоративного украшения нач. ХУ в. По всей вероятности, такой "фирменный знак" троицкого скриптория уже существовал в нач. ХУ в. Очевидно, впоследствии он послужил образцом для средника кожаных переплетов. Хотя история "Евангелия тетр" неизвестна, однако можно предположить, что помещенный на нем средник был изготовлен в самом Троице-Сергиевом монастыре.

Слабая изученность орнаментальных украшений древнерусских обиходных переплетов нередко порождает досадные курьезы. Можно было бы привести много примеров самых разных недоразумений, однако ограничимся только одним, наиболее характерным.

М.В. Кукушкина в своей монографии пишет: "Как нами отмечалось, наряду с использованием распространенных басм переплеты соловецких и сийских рукописей отразили также творческий поиск северных книжников, проявившийся в создании оригинальных средников-басм. В одном среднике изображена птица [пеликан с птенцами - В.К.] в цветочном орнаменте (рис. 36), полностью соответствующем орнаменту в переплете книг Московского печатного двора. Переплеты с та-

---

[29] Евангелие тетр. Кон. XIУ (?) - нач. ХУ в. ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры (ф. 304), Ш, № 5 (М. 8655).

[30] Вздорнов Г.И. Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XП - начала ХУ веков. - М., 1980. - № 64.

кой басмой встречается довольно часто в рукописях, датируемых концом ХУI – серединой ХУП в., из обоих монастырей, однако время создания их точно неизвестно. В некоторых сийских рукописях переплеты с подобным средником очень потрепаны (БАН, Арханг. Д 171, 174 и 191), можно думать поэтому, что изготовлены они были первоначально в этом монастыре [! – В.К.], а позднее скопированы в Соловецком... Другая басма [средник "орел и змей" – В.К.] была эмблемой принадлежности рукописи Сийскому монастырю [?! – В.К.]. Она представляет собой в овале большую птицу, которая парит над зданием, символизирующим, вероятно, новгородскую Софию [?! – В.К.], держа в когтях птенца [т.е. дракона ! – В.К.] или маленькую птичку [! – В.К.] (рис. 37).

Что касается цветочного орнамента, окружавшего средник, то он был именно таким распространенным штампом, какой можно было купить или изготовить в соответствующей мастерской. Напротив, басма-средник, в котором изображена птица [пеликан с птенцами – В.К.] или птица над зданием [орел и змей – В.К.], была эмблемой северных монастырей [?! – В.К.]: первая использовалась в обоих монастырях, вторая встречается в ряде рукописей Сийского монастыря и ее создание можно определенно связать с Сийским монастырем [?!!! – В.К.]"[31].] Здесь М.В. Кукушкиной не только неправильно определен сюжет рассматриваемых изображений, но и сами средники московского Печатного двора объявлены эмблемами Антониево-Сийского и Соловецкого монастырей лишь только на том основании, что рукописи с такими переплетами находились в их библиотеках. В действительности, этот факт свидетельствует о влиянии продукции

---

[31] Кукушкина М.В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры ХУI – ХУП веков. – С.123 – 124.

Печатного двора в разных областях Русского государства на технику внешнего оформления книги.

В некоторых современных исследованиях средневековый средник рассматривается как суперэкслибрис[32]. Между тем средник можно квалифицировать и как художественную эмблему. Специфика средника-эмблемы заключалась в том, что, помимо свойственного ему религиозно-философского и дидактического значения, он в то же время представлял собой своеобразный "фирменный знак" и служил чисто практическим целям, помогая покупателям распознавать продукцию различных переплетных мастерских. Появление на обиходном переплете какого-либо средника не было случайным, напротив, оно отражало уже сложившуюся символико-эмблематическую и литературную традицию средневековья.

Оригинальная система орнаментальных украшений кожаных переплетов, созданная в XVI – XVII вв. мастерами московского Печатного двора, явилась своеобразным эталоном в книжном деле. Она получила широкое распространение по всей территории Руси и в дальнейшем вызвала многочисленные подражания при ручном переплетении книг. Особенно большой популярностью пользовались сюжетные средники "единорог", "лев и единорог под короной", "орел и змей", "дерево перидексий и сидящие на нем голуби". Традиции типографской мастерской были продолжены и развиты старообрядцами не только в XVII – XIX вв., но даже и в XX в.[33] Важные факты, свидетельствующие о

---

[32] Коллекция старопечатных книг XVI – XVII вв. из собрания М.И. Чуванова: Каталог / Сост. И.В. Поздеева. – С. 16 – 17 и др.

[33] Калугин В.В. Сюжетные средники московского Печатного двора: Отражение символики в книжном переплете // 3-я Всесоюзная научная конференция "Книга в России до середины XIX века": Тезисы докладов. – Л., 1985. – С. 26.

сохранении в настоящее время древнерусской техники "книгопереплетного художества" в старообрядческой среде, приводятся и анализируются в работе Н.Н. Покровского[34].

34 Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. - М., 1984. - С. 17 - 19; 27 - 31.